

МОЛОДЫЕ В ИСКУССТВЕ

БАЛЕРИНА,
ПОСТАНОВЩИК,
СЦЕНАРИСТ

Характерная танцовщица. Пестрая череда костюмов асех времен и народов. Цветистые шали. Блisterающие серьги. Каблуки, способные изобразить замысловатые ритмические узоры. Мягкие туфли — поступь в них становится вкрадчивой, беззвучной. Ворох вееров, лент, перьев, гребней — бесчисленных мелочей, необходимых для сцены. Звон запястий. Стук кастаньет. Кипы афиш: «Лебединое озеро», «Дон-Кихот», «Щелкунчик», «Раймонда», «Каменный цветок», «Золушка», «Лауренсия», «Лейли и Меджнун», «Легенда о любви» — обширный репертуар Большого театра. И, разумеется, аплодисменты, цветы и прочие приметы признания.

Характерная танцовщица. Складываются в годы долгие, похожие друг на друга рабочие дни — обязательный ежеутренний урок у станка и без него, репетиции, спектакли. Жесткое расписание. Тренировка собранности, воли, строжайшей внутренней дисциплины. Ни роли, прошедшей бесследно. Ни минуты, растрепанной влустую. Труд постижения разной музыки, разной хореографии, создания партии, наделенной своим лицом, своим, отличным от иных исполнительниц, очарованием. И, разумеется, сомнения, поиск, недовольство собой и прочие признаки таланта.

Если она не готовится к выступлению, то сочиняет балеты. Имена хореографов, супругов Владимира Василева и Натальи Касаткиной, авторов «Ванины Ванины», «Героической поэмы», «Весны священной», прочно связаны с самыми смелыми, новаторскими исканиями отечественного балетного театра.

Если балетмейстер Касаткина не ставит спектакль, значит, она обдумывает сценарий или постановочный план — будь то навеянная произведением Гофмана сатирическая сказка «Крошка Цахес» или еще один балет о наших современниках.

А если она освобождается от своих обязанностей постановщика и сценариста, все равно время ее отдано театру — ролям большим и малым, прежним и новым. Три балетные премьеры выпущены в минувшем сезоне. В каждой участвует характерная танцовщица Наталья Касаткина. Смысл ее теперешних работ шире личного, актерского успеха. Поиск — манера особенностей балетмейстерского почерка не

позволяет Касаткиной повторяться. В «Лейли и Меджнун», щедро орнаментированном танцами сочинения Голейзовского, она совсем иная, нежели в строгой, исполненной трагической мысли «Легенде о любви». Последний спектакль — вторая встреча танцовщицы с хореографией Григоровича, и, надо сказать, далеко не всем исполнителям удалось так мгновенно уловить непростой, неоднозначный склад его танцев, построенных на многоплановых подтекстах; недаром сегодня Касаткиной принадлежит столь удачная интерпретация партии Молодой цыганки в «Каменном цветке».

Здесь особенно отчетливо сказались ее принципы. Неприятие ложно понятых эффектов — патетических запрокидываний корпуса, резких поворотов, демонических улыбок, ослепительных взоров и прочих приемов, призванных продемонстрировать «экзотический темперамент», а заодно ошеломить публику. Настойчивое утверждение чувства меры, смысловой ясности, лаконизма.

Танец Касаткиной в «Каменном цветке» — притягательные переходы от медлительной протяжности первых «реплик» к бурному, порывистому диалогу с партнером; самый облик плясуньи — то ниспадающие, то упрямо взлетающие руки, надменно опущенные, скрытые темными ресницами глаза, горделивая, почти царственная повадка — все выдает необычность ее героини. Перед нами существо, таинственно замкнутое в мир своих, неведомых окружающим мыслей, своей скорби, своих затаенных и неукротимых страстей. Не очередной характерный номер очередного балета, а повесть о судьбе человеческой.

Следует ли удивляться тому, что именно Касаткина с ее интересом к душевному строю, жизненной истории, поступкам и размышлениям действующих лиц, с ее пытливым «всматриванием» в то индивидуальное, неповторимое, что отличает манеру каждого хорошего хореографа, смогла задумать и реализовать роль Бесноватой в «Весне священной». Изломанный, подчиненный каким-то особенным, фантастическим законам танец страшен, как бессвязная речь. Распад и гибель души человеческой, как результат слепых, нелепых верований, — верная себе ис-

полнительница с беспощадной точностью раскрывает причины и следствия существования такого характера. Бесноватая своей властью обрекает на смерть живых людей, но прежде всего она сама — воплощение обреченности. Роль получает отчетливое содержание, «работающее» на главную идею спектакля.

Участие в «Весне священной» — значительный итог творчества танцовщицы. Но еще в большей мере эта партия предвещает новые завоевания и открытия Касаткиной, доказывает, как велики ее профессиональные возможности, как безбоязненно идет она на самые неожиданные эксперименты. В прошлом сезоне, например, Касаткина появилась в «Дон Кихоте» в роли... Уличной танцовщицы. Недюжинной работоспособностью надо обладать, чтобы участвовать во всех балетных премьерах, ставить собственный спектакль и приготовить еще столь трудную роль. Надо верить в свои силы, чтобы пойти на риск исполнения партии не характерной, а классической. Да, Касаткиной предстоит еще заняться отделкой своей новой работы, отделкой преимущественно технической, связанной с определенными требованиями танца на пуантах. Но уже сегодня нельзя усом-

ниться в пленительной самобытности созданного новой исполнительницей персонажа. Весь опыт характерной солистки, всю наблюдательность и живость ума даровитой актрисы и, вероятно, всю любовь к новизне внесла Касаткина в свой дебют. В ее Уличной танцовщице — коротко остриженной, мальчишески резковатой в движениях, по-современному неприужденной, в общении с партнером и яркой площадной толпой — нет решительно никакого сходства с прежними исполнительницами. Зато есть в ней нечто «касаткинское».

Она словно всматривается в свою новую, только что разученную роль, словно принаравливается к этой новой, вошедшей в ее актерскую биографию жизни, словно спрашивает ее: «Ну, какая ты? Как ты у меня получишься?». И праздник встречи исполнительницы с новым характером становится праздником для зрителя. Но Касаткина — не из тех капризных «одаренных натур», что, снискав шумный успех на премьере или в вечер дебюта, забрасывают роль, как надоевшую игрушку, и жадно кидаются на поиски новой забавы. Нет, она бережно хранит все свои творческие накопления. Ее спектакли не делаются на будничные и парадные.

...Ровно год назад Касаткина и Василев очень волновались за исход своей работы над «Весной священной» — будут ли необходимы им исполнители, выпустят ли постановку в срок, получат ли они достаточное число репетиций? В ответ на оптимистические уверения, в ответ на призывы не беспокоиться и «предсказания» удачной и в срок премьеры Наталья с плохо скрываемым возмущением произнесла:

— Не беспокоиться?! Вы не понимаете — ведь для нас это вопрос жизни и смерти.

Эти слова не прозвучали ни позерски, ни высокопарно в устах Касаткиной. Ее труд в театре — не служба, но серьезное и страстное служение Искусству.

Е. ЛУЦКАЯ.

